

• ДЕНИС ПОЖИДАЕВ •

ПОСЛЕ

ПРОТОКОЛ

№ 0001

ВОПРОСЫ
БЕЗ ОТВЕТОВ

ПАМЯТЬ
НЕ УМИРАЕТ
ОНА
ПЕРЕХОДИТ
...

51.5074° N
0.1278° W

$$P(t) = e^{-\lambda t}$$

$$t \rightarrow \infty$$

$$\psi = \lim_{t \rightarrow 0^+} \psi(t)$$

$$\Delta S \geq 0$$

$\Delta t \rightarrow 0$

$S \rightarrow k \log W$

$Q \rightarrow dq / T$

ПЕРЕХОД
НЕ КОНЕЦ
А СОСТОЯНИЕ
ИЗМЕНЕНИЯ
...

ПОСЛЕ

СЕРИЯ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Денис Пожидаев

После

«Автор»

2026

Пожидаев Д.

После / Д. Пожидаев — «Автор», 2026

Физик Александр Воронцов двадцать лет изучает последнюю миллисекунду жизни. В подземной лаборатории он пытается зафиксировать границу, за которой угасает сознание. Им движет не научное тщеславие, а боль потери и обещание, когда-то данное маленькой дочери. И однажды его приборы замечают нечто невозможное. Смерть оказывается не пустотой, а сложным механизмом. Но имеет ли человек право в него вмешиваться? И что произойдет, если попытаться удержать то, что должно уйти навсегда?

Содержание

Рассказ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

После

Рассказ

Комплекс непрерывного переходного наблюдения гудел на сорока двух герцах. Александр Воронцов давно перестал слышать этот звук отдельно. Он жил внутри него, как живут внутри собственного дыхания или сердечного ритма: замечают только тогда, когда тот сбивается.

Лаборатория находилась на глубине сорока метров, в толще базальта. Здесь не было окон, часов на стене и естественной смены суток. Двенадцать светодиодных панелей на потолке горели с одинаковой, почти медицинской яркостью. Свет не падал — он заполнял помещение целиком, вычищал углы, столы, приборные стойки, металлический пол. Александр сам настраивал систему освещения так, чтобы в комнате не оставалось слепых зон. Тень казалась ему не отсутствием света, а недостатком данных.

На центральном экране медленно ползли графики калибровки. Семьдесят два независимых сенсора выходили на рабочий режим: гравиметры, квантовые интерферометры, магнитные томографы, блоки нейросинхронизации, резервные контуры записи. Вся эта тяжелая, дорогостоящая и почти незаконная архитектура была построена ради одного промежутка времени, который раньше никто не считал достойным наблюдения.

Последней миллисекунды.

Александр сидел неподвижно, положив руки на край стола. Ему было шестьдесят четыре года. В белом лабораторном свете лицо казалось не старым, а изношенным: кожа тонкая, губы сжаты, под глазами темные впадины, словно организм давно требовал остановки, но получил отказ.

У правой руки лежал камень.

Обычный кусок серого песчаника, неровный, сколотый с одного края. Такой можно было найти у обочины, пнуть ботинком и забыть через секунду. Александр накрыл его ладонью. Большой палец сам лег в маленькую выемку на поверхности. За двадцать лет камень в этом месте стал гладким, почти теплым, отполированным кожей.

В нижнем ящике стола лежали еще двадцать три камня: кварц, гранит, обкатанное морем стекло, кусок кирпича с белесым следом старого раствора. Когда-то девочка приносила их домой в карманах куртки, выкладывала на стол и объявляла, что теперь они будут жить здесь. Александр тогда смеялся и спрашивал, зачем ей обычный мусор. Она отвечала, что обычных камней не бывает. Просто взрослые плохо смотрят.

Таймер на левом мониторе показал: до ожидаемой остановки сердца пациента 88-В осталось четырнадцать минут.

Пациент находился в клинике за четыреста километров отсюда. Мужчина, семьдесят один год, множественный отказ органов, подписанное согласие на посмертный мониторинг. Формально эксперимент был этически допустим. Формально Александр наблюдал лишь за данными, которые организм все равно должен был перестать производить.

Он убрал руку с камня и открыл файловую систему.

Рабочий интерфейс лаборатории был строгим и безликим: журналы, протоколы, массивы сырых данных, отчеты калибровки. Но папка, к которой он обратился, находилась отдельно. Изолированный физический носитель. Двойной пароль. Биометрия. Никаких сетевых подключений.

Архив.

Там не было научных материалов. Только фотографии, короткие видео, отсканированные рисунки, аудиофайлы, медицинские выписки, маршруты прогулок, заметки, сохраненные

сообщения. Не память даже — слишком простое слово. Скорее инвентаризация исчезнувшего времени. Александр не просто хранил прошлое. Он разложил его по папкам, присвоил имена, даты, контрольные суммы и резервные копии.

Курсор остановился на файле:

ARH_AUDIO_04_08.wav

Длительность: 12 секунд.

Он надел наушники. Гул лаборатории исчез. На секунду стало так тихо, что Александр почувствовал неприятное давление в ушах. Потом появился ветер. Летний, неровный, забивающий микрофон дешевой камеры. Скрипнули качели. Где-то далеко проехала машина.

Он знал эту запись лучше, чем собственный голос. Знал, где в спектре появится щелчок от цепи, где ветер ударит сильнее, где дыхание девочки собьется после смеха.

— Папа, а после смерти что?

Она произнесла это без страха. Просто спросила. Так же могла спросить, почему Луна днем бледная или куда деваются облака, когда небо становится чистым.

На записи возникла короткая пауза. Потом ответил молодой Александр. Голос был спокойный, немного насмешливый, уверенный в том, что вечером будет ужин, завтра — работа, через неделю — прогулка, а на все сложные вопросы еще найдется время.

— Когда-нибудь узнаем.

Щелчок.

Файл закончился.

Александр не снял наушники сразу. Он сидел с закрытыми глазами и слушал цифровую тишину после обрыва. В первые годы ему казалось, что если воспроизвести запись достаточно много раз, за щелчком появится продолжение. Еще одна секунда. Вдох. Скрип качелей. Ее смех. Любой остаток, случайно не стертый временем.

Ничего не появлялось.

Он снял наушники и положил их рядом с песчаником. Плакать ему больше не хотелось. Слезы закончились давно, как заканчивается запас реагента в старом приборе. Осталось другое: сухая, твердая необходимость довести вычисление до конца.

Он обещал ей ответ.

До остановки сердца пациента оставалось семь минут.

Александр закрыл архив. Изолированный диск коротко щелкнул и ушел в спящий режим. На экране снова остались только графики, таблицы и строки системных логов. Он открыл рабочий журнал. Официальный язык науки был удобен тем, что не требовал от человека признаваться в причинах.

Он начал печатать.

«Журнал наблюдений. Проект “ПОСЛЕ”. Запись 4112.

Дата: 14 октября.

Время: 03:28.

Объект наблюдения: пациент 88-В. Мужчина, 71 год. Множественный отказ органов. Подтвержденное согласие на мониторинг терминальной фазы.

Статус систем: Комплекс непрерывного переходного наблюдения активирован. Синхронизация с медицинским оборудованием клиники стабильна. Задержка передачи сигнала — 0,04 миллисекунды.

Цель эксперимента: повторная фиксация постсознательного остатка в момент полного прекращения электрохимической активности коры головного мозга.

Предыдущие наблюдения показали наличие нестабильной структуры продолжительностью от 0,3 до 0,8 секунды после констатации биологической смерти.

Рабочая гипотеза остается прежней: если сознание является физически реализованной информационной структурой, его прекращение должно сопровождаться измеримым процессом распада или трансформации. Настоящий эксперимент не предполагает метафизических интерпретаций. Задача — регистрация параметров события».

Александр остановился.

Последнее предложение выглядело правильно. Достаточно сухо. Достаточно чисто. Любой внешний рецензент увидел бы в нем только упрямство старого исследователя, работающего на границе допустимой методологии. Никто не увидел бы двенадцатисекундную запись. Никто не увидел бы камни в нижнем ящике.

На левом мониторе сердечный ритм пациента начал терять регулярность. Расстояние между пиками увеличилось. Медицинская система в удаленной палате выдала предупреждение; здесь оно отразилось короткой желтой вспышкой.

Александр выпрямился. Лицо стало неподвижным. Усталость исчезла не потому, что ее не было, а потому, что он умел убирать ее из поля зрения, как лишний шум на графике.

Еще один пик. Потом длинная пауза. Потом слабый, неровный импульс.

Он подался ближе к экрану.

Человечество веками смотрело на смерть слишком поздно или слишком рано. Слишком рано — когда еще пытались лечить тело. Слишком поздно — когда уже оставались только воспоминания, ритуалы и пустые слова. Александр хотел увидеть сам момент. Не до. Не после. Границу.

Кардиограмма выровнялась.

Комплекс автоматически перешел в режим пиковой записи. Данные хлынули на серверы плотным, почти осязаемым потоком. В лаборатории ничего не изменилось: свет не мигнул, гул не сбился, воздух остался неподвижным.

Александр не моргал.

Он смотрел.

* * *

Смерть, переведенная на язык приборов, не имела формы. Она не наступала одним движением и не обрывала человека, как нож перерезает нить. Сначала остановилось сердце. Потом исчезло давление в сосудах. Потом мозг, лишенный кровотока, выдал несколько неровных вспышек активности — коротких, беспорядочных, почти механических. Остальные системы еще некоторое время продолжали регистрировать тело как сложный объект, но это была уже инерция.

Александр смотрел на левый монитор.

Пациент 88-В находился за сотни километров отсюда, в палате с мягким светом, закрытыми жалюзи и дежурной медсестрой за стеклянной перегородкой. Здесь от него остались только линии: температура, давление, остаточная активность коры, электромагнитный фон, карта микросмещений массы. Человек был сведен к данным, и в этом не было ни жестокости, ни утешения. Только точность.

На отметке «ноль» система клиники подтвердила остановку сердца. Через сорок семь секунд дыхательная активность прекратилась окончательно. Еще через две минуты и одиннадцать секунд электроэнцефалограмма вышла на ровную линию.

Комплекс КНПН автоматически сменил режим записи. Биологические датчики ушли на второй план. В работу вошли интерферометры, гравиметры и блок квантовой топологии. Теперь лаборатория наблюдала не за телом, а за пространством вокруг него.

Таймер начал отсчет после полного прекращения нейронной активности.

00:00:00.100

Ничего.

00:00:00.300

Фоновый шум.

00:00:00.500

Ни одного отклонения выше расчетного предела.

Александр не двигался. Отражение его лица в темном участке монитора казалось чужим: неподвижные глаза, резкая складка между бровями, губы, сжатые в тонкую линию. За годы работы он научился не надеяться в первые полсекунды. Надежда делала человека неаккуратным.

00:00:00.740

Система отметила микроскачок декогеренции.

Он не коснулся клавиатуры. Рано. Одиночный всплеск мог быть чем угодно: тепловым шумом, ошибкой синхронизации, паразитной вибрацией в серверной стойке. Александр смотрел только на подтверждающие каналы.

00:00:00.812

Появилась структура.

Не изображение. Не объект. Не светящееся пятно над телом, которое можно было бы показать журналистам или вынести на обложку научного журнала. На камере палата оставалась пустой. Старик лежал неподвижно, простыня на груди больше не поднималась, пластиковая трубка кислородной линии слегка дрожала от работы вентиляции.

Но в окне квантовой топологии хаос вдруг собрался.

Там, где после разрушения мозговой активности ожидалось равномерное рассеивание, возникла упорядоченность. Небольшая область пространства над головой пациента показала локальное падение информационной энтропии. Слишком резкое. Слишком симметричное. Слишком устойчивое для случайного выброса.

Александр медленно вдохнул.

Структура держалась.

На соседнем мониторе гравиметр дал слабое отклонение, почти на пределе чувствительности. Масса, которой не должно было быть. Не тело, не воздух, не оборудование клиники. Нечто, зарегистрированное только как несогласие приборов с реальностью.

00:00:01.100

Квантовые датчики вышли в красную зону, но не отключились. Алгоритм реконструкции попытался построить модель, не смог, сбросил задачу и начал заново. В строке системного журнала появилось сообщение: «Классификация невозможна».

Александр отметил время вручную. Пальцы сработали сами, без участия мысли.

00:00:01.340

Структура изменилась. Не распалась — именно изменилась. Внутренние линии топологии, если эти математические связки можно было назвать линиями, на мгновение вытянулись в одном направлении. Словно процесс имел вектор, но приборы видели только его след.

00:00:01.620

Все исчезло.

Гравиметр вернулся к нулю. Интерферометры успокоились. Палата в видеопотоке осталась прежней: тело, кровать, закрытые жалюзи, зеленая лампа над дверью. С медицинской точки зрения ничего не произошло. Человек умер, и мир продолжил работу.

Александр откинулся на спинку кресла только через несколько секунд. Воздух вышел из груди коротко, с хрипом. Он не заметил, что все это время не дышал.

Запись сохранилась автоматически на основном сервере, затем на изолированном носителе, затем на резервном массиве. Александр проверил контрольные суммы. Совпали. Проверил синхронизацию каналов. Ошибки не было. Проверил температурные логи лаборатории и клиники. В пределах нормы. Проверил вибрацию стойки. Ноль.

Он открыл журнал.

«Запись 4113.

Время: 03:34.

Результат: положительный.

На отметке 812 миллисекунд после прекращения регистрируемой нейронной активности зафиксировано повторное появление постсознательной структуры. Продолжительность события — 808 миллисекунд.

Объект не имеет устойчивой электромагнитной сигнатуры. Оптические сенсоры его не регистрируют. Тепловая картина не изменена. Гравиметрический канал показывает кратковременное возмущение ниже порога самостоятельной классификации, однако совпадающее по времени с аномалией квантовой топологии.

Топология события частично совпадает с наблюдениями 3901 и 4055.

Предварительный вывод: феномен не может быть списан на единичный сбой оборудования».

Он остановился.

Слово «феномен» раздражало своей осторожностью. Слово «аномалия» было удобнее, но тоже лгало. Аномалией называют то, что выбивается из закона. Здесь Александр впервые за двадцать лет почувствовал обратное: он смотрел не на исключение, а на правило, которое слишком долго оставалось вне поля зрения.

Он свернул журнал и открыл входящие сообщения.

Письмо от Ричарда Кауфмана пришло ночью. Тема была сформулирована мягко: «О текущем статусе проекта». Александр открыл его без интереса, почти машинально.

Кауфман писал аккуратно, с той профессиональной вежливостью, которая обычно предшествует отказу. Совет изучил последние материалы. Совет признает прежние заслуги Александра. Совет понимает личную значимость исследования. Совет не видит достаточных оснований для продолжения проекта в текущем виде.

Дальше следовало главное: эффект не воспроизводится независимыми группами, данные находятся на границе чувствительности приборов, статистическая база недостаточна, эмоциональный фактор может влиять на интерпретацию результатов. Последняя фраза была особенно бережной и поэтому особенно точной: «Наука не должна становиться способом удержания утраты».

Александр прочитал письмо дважды.

Он не почувствовал злости сразу. Злость пришла бы позже, когда появится время. Сейчас осталось только ощущение небольшого, почти технического несоответствия. Кауфман рассуждал о статистическом шуме. Александр только что видел структуру, которая повторилась в третий раз.

Он вывел на экран три успешных наблюдения: 3901, 4055 и 88-В. Три разных человека. Разный возраст. Разные диагнозы. Разные клиники. Разные команды оборудования.

Алгоритм наложения начал работу. Линии квантовой топологии легли друг на друга, смещаясь, поворачиваясь, отбрасывая случайные участки. Зеленым подсвечивались совпадения.

Через несколько секунд система выдала результат: 87,3 процента базовой топологической корреляции.

Александр смотрел на цифру.

Шум может совпасть один раз. Ошибка может повториться дважды, если прибор собран плохо или исследователь хочет ошибиться. Но у хаоса нет привычки возвращаться в одной и той же форме.

Он медленно повернул голову к краю стола. Песчаник лежал рядом с наушниками. Под белым светом его сколотый край казался почти меловым.

Ему вспомнилась детская комната. Пол, усыпанный камнями. Дочь сидит на ковре, насупившись от сосредоточенности, и передвигает гранит, кварц и кусок кирпича так, будто строит сложный прибор. Александр стоит в дверях с чашкой кофе.

— Что это?

— Мост.

— Из камней?

Она подняла на него глаза с коротким, нетерпеливым сочувствием ребенка к взрослому, который опять ничего не понял.

— Ты смотришь на камни. А надо смотреть, как они стоят рядом.

Воспоминание исчезло. Остались мониторы, письмо Кауфмана и зеленая цифра корреляции.

Александр выделил письмо и удалил его. Не в архив, не в корзину для последующего восстановления. Безвозвратно.

Потом вернулся к журналу и дописал:

«Дополнение к записи 4113.

Статистическая погрешность маловероятна. Повторяемость топологии превышает допустимые параметры случайного совпадения. Необходимо признать существование устойчивого процесса, возникающего после прекращения нейронной активности.

Пассивное наблюдение достигло предела. Средняя длительность события — менее одной секунды. Этого достаточно для регистрации, но недостаточно для анализа внутренней динамики.

Следующая задача: увеличение времени нахождения структуры в наблюдаемом состоянии».

Он перечитал последнюю строку. В ней не было ничего незаконного. Ничего невозможного. Только постановка задачи.

Александр открыл расчетный модуль. На экране появилось пустое поле новой модели. В центре он поставил первую точку: момент возникновения П-0. Рядом вторую: момент исчезновения. Между ними — восемьсот восемь миллисекунд, узкая щель, через которую двадцать лет ускользал ответ.

Он больше не хотел смотреть, как процесс проходит мимо.

Он хотел задержать его.

* * *

«Журнал наблюдений. Проект “ПОСЛЕ”. Запись 4142.

Дата: 2 ноября.

Время: 14:15.

Серия повторных наблюдений завершена.

Зафиксировано девять событий, соответствующих предварительному описанию П-0. В пяти случаях качество данных признано недостаточным из-за задержек медицинской телеметрии и шумов локального оборудования. В четырех случаях топологическая корреляция превышает 80 процентов.

Феномен возникает не в момент остановки сердца и не в момент прекращения дыхания. Он появляется только после устойчивого исчезновения регистрируемой нейронной активности.

Средняя длительность события: 0,76 секунды.

Вывод: П-0 не является остаточным биологическим процессом. Вероятнее всего, речь идет о кратковременной информационной перестройке, происходящей после разрушения носителя».

Александр перечитал запись и стер последнее слово.

«Носителя» звучало слишком уверенно. Словно он уже знал, что именно было носителем, что именно переносилось и куда. Он заменил фразу на более осторожную:

«...после прекращения работы известной нам системы поддержания сознания».

Так было честнее.

Он сохранил файл и откинулся в кресле. За последние восемнадцать дней лаборатория изменилась меньше, чем он сам. Свет оставался прежним, приборы стояли на тех же местах, камень лежал у правой руки. Но порядок начал уступать место работе. На полу вдоль серверных стоек тянулись дополнительные кабели. На одном из металлических шкафов стояли контейнеры из-под еды, которые он собирался убрать утром и не убрал. В углу, у блока охлаждения, лежал свернутый термоплед. Александр дважды просыпался там, сидя на полу, с планшетом в руках.

Институт закрыл ему доступ к нескольким клиническим базам. Формулировка была вежливая: «до завершения независимой проверки методологии». Он мог оспорить решение, написать письмо, собрать комиссию, ждать три месяца и затем получить еще одно письмо, такое же аккуратное и бесполезное.

Вместо этого он перестроил систему приема данных.

Часть клиник согласилась работать напрямую. Неофициально. Не из веры в проект — из уважения к прежним заслугам Воронцова или из усталости перед тем, что все равно должно было произойти. Терминальные отделения редко бывают местом, где у людей много иллюзий. Врачи не спрашивали, что именно он ищет после последней линии на мониторе. Они просто подключали канал и присылали согласия пациентов.

Александр не называл это обходом запрета. Он называл это сохранением непрерывности эксперимента.

На центральном экране висела сравнительная карта последних четырех событий. П-0 каждый раз появлялся почти одинаково: короткое падение энтропии, сжатие внутренней структуры, затем исчезновение. Но между появлением и исчезновением была область, которую приборы не успевали разобрать. Как если бы кто-то на долю секунды открывал дверь в ярко освещенную комнату, а потом захлопывал ее прежде, чем глаз успевал понять, что увидел.

Пассивное наблюдение больше ничего не давало.

Александр открыл расчетный модуль и вывел на экран старую модель квантового эффекта Зенона. В обычных условиях это была изящная демонстрация того, что часто измеряемая система медленнее меняет свое состояние. Наблюдение не останавливало реальность в буквальном смысле, но могло вмешиваться в вероятность перехода.

Он не собирался «поймать смерть». Такая фраза показалась бы ему вульгарной даже в мыслях. Его задача была точнее: увеличить длительность события П-0 в наблюдаемом состоянии хотя бы вдвое.

Две секунды вместо одной.

Этого хватило бы, чтобы понять внутреннюю динамику.

Он работал почти сутки без перерыва. Переписал архитектуру управляющего ядра КНПН, изменил порядок включения интерферометров, добавил каскадную обратную связь.

Теперь каждый замер должен был запускать следующий прежде, чем структура успеет выйти из фазы наблюдения. Не сплошная клетка. Скорее частая сеть, наброшенная на мгновение.

К вечеру модель показала допустимую устойчивость.

К полуночи — приемлемую.

К утру — опасную, но рабочую.

Следующий пациент был из паллиативного отделения в Маниле. Женщина, пятьдесят шесть лет, массивное кровоизлияние, отсутствие прогноза на восстановление. Согласие было подписано заранее. Ее сын, судя по скану документа, поставил подпись дрожащей рукой: буквы в фамилии распались на отдельные штрихи.

Александр несколько секунд смотрел на эту подпись дольше, чем требовал протокол.

Потом закрыл окно.

«Запись 4143.

Цель: активная фиксация события П-0.

Метод: каскадное наблюдение с частотой, превышающей естественную длительность фазового перехода структуры.

Этическое примечание: вмешательство осуществляется не в биологический процесс умирания, а в пострегистрационный информационный след после прекращения нейронной активности.

Риск для пациента отсутствует».

Он поставил точку.

Фраза была юридически корректной. И все же Александр оставил курсор в конце строки, будто документ мог возразить.

Риск для пациента отсутствует.

Человек уже умирал. Тело уже не могло быть спасено. Медицинская часть процесса закончилась до того, как в работу вступал КНПН. Александр не вмешивался в жизнь. Он вмешивался только в то, что происходило после нее.

Это различие казалось ему достаточным.

Кардиограмма на экране начала падать.

В лаборатории усилился гул. Серверы заранее перешли в режим повышенного охлаждения. На потолке едва заметно дрогнул свет, но тут же выровнялся. Александр положил пальцы на клавиатуру.

Остановка сердца.

Через минуту — дыхания.

Еще через две — коры.

Таймер постнейронной фазы пошел с нуля.

00:00:00.100

00:00:00.300

00:00:00.600

П-0 появился на отметке 0,79 секунды.

Александр включил каскад.

На экране структура не исчезла.

Она должна была распасться почти сразу, как в предыдущих наблюдениях. Вместо этого ее внутренние линии — математические связи, которые алгоритм изображал как сжатую геометрию, — удержались еще на долю секунды. Потом еще.

00:00:01.200

КНПН зафиксировал рост напряжения в контуре. Один из блоков охлаждения вышел на предельный режим. Температура в серверной стойке поднялась на четыре градуса.

00:00:01.600

Структура оставалась.

Александр впервые позволил себе вдохнуть.

00:00:01.900

На гравиметрическом канале возникло отклонение. Не такое, как прежде. В прошлых наблюдениях масса появлялась и исчезала вместе с событием. Сейчас она словно накапливалась на краю измерения, не имея разрешения стать чем-то определенным.

00:00:02.070

В распределительном щитке хлопнул предохранитель. На правой стене погасла одна из служебных панелей. Каскад разорвался, и П-0 исчез мгновенно, без затухания.

Александр остался сидеть, не убирая рук с клавиатуры.

Две целых семь сотых секунды.

Он увеличил длительность события почти втрое.

Система автоматически сохранила массив данных. Контрольные суммы совпали. Ошибки синхронизации не было. Перегрев — в допустимых пределах. Повреждение оборудования — локальное. Потеря данных — ноль.

Александр медленно поднялся из кресла, подошел к распределительному щитку и посмотрел на почерневший предохранитель. Запах нагретого пластика еще держался в воздухе. За его спиной серверы постепенно сбрасывали обороты.

Он должен был почувствовать радость.

Вместо этого он почувствовал раздражение.

Не потому, что эксперимент провалился. Он не провалился. Наоборот, результат был лучше ожидаемого. Но теперь стало ясно: П-0 не просто исчезает. Он стремится исчезнуть. У процесса есть направление, внутренняя необходимость, напряжение, которое возрастает при задержке.

Александр вернулся к столу и открыл журнал.

«Запись 4144.

Результат активного наблюдения: положительный.

Событие П-0 удержано в наблюдаемом состоянии 2,07 секунды.

В ходе удержания выявлено свойство, отсутствовавшее при пассивной регистрации: фазовое напряжение. Структура демонстрирует не распад, а попытку завершить переход в состояние, недоступное текущим приборам.

Формулировка «остаток» более не соответствует данным. П-0 следует рассматривать как динамический процесс».

Он остановился, затем добавил:

«Вопрос: является ли исчезновение П-0 окончанием процесса или его успешным завершением?»

Эта строка была опасной. Не для комиссии. Для него самого.

Александр долго смотрел на нее, потом сохранил запись без изменений.

На столе лежал песчаник. Он взял его, повернул сколотым краем к свету и вспомнил, как дочь однажды сказала: «Камень не сломан. Просто внутри он другого цвета».

Тогда он ответил что-то о минералах и примесях.

Сейчас он не стал бы отвечать так быстро.

Через несколько минут Александр открыл схему питания нижнего уровня комплекса. Если подключить резервный контур реактора напрямую к интерферометрам, каскад можно было усилить в несколько раз. Протокол безопасности запрещал такую конфигурацию. При-

чина была понятной: при аварии лаборатория потеряла бы часть автономного жизнеобеспечения, а серверные стойки могли выйти из строя без возможности ручного отключения.

Он прочитал предупреждение до конца.

Потом закрыл его и начал новый расчет.

Две секунды доказали, что процесс можно задержать.

Теперь нужно было узнать, можно ли удержать его достаточно долго, чтобы он перестал быть щелью и стал объектом исследования.

* * *

«Журнал наблюдений. Проект “ПОСЛЕ”. Запись 4310.

Дата: 14 января.

Время: 22:40.

Активное наблюдение П-0 подтверждено в 240 случаях. Максимальная длительность удержания — 4,8 секунды. Дальнейшее увеличение времени наблюдения невозможно без подключения резервного энергетического контура нижнего уровня.

В ходе последних серий выявлено устойчивое свойство: структура П-0 сопротивляется фиксации. Формулировка некорректна, но иной пока нет. При удержании свыше трех секунд внутри топологии возникает нарастающее фазовое напряжение. Оно не похоже на распад. Оно похоже на незавершенное действие.

Рабочий вопрос: что именно не успевает завершиться?»

Александр смотрел на последнюю строку дольше обычного.

Вопрос был поставлен правильно, но раздражал. Правильные вопросы имеют неприятное свойство: они перестают быть инструментом и начинают требовать от человека чего-то взамен. Он закрыл журнал и вывел на экран схему питания. Резервный контур реактора нижнего уровня был отделен от КНПН тремя протоколами безопасности. Каждый из них существовал не из бюрократической осторожности, а потому что при перегрузке установка могла потерять охлаждение, управление и часть автономного жизнеобеспечения.

Александр последовательно снял блокировки.

Система дважды запросила подтверждение. На третьем экране появилось предупреждение, выделенное красным: «Конфигурация не рекомендована для работы в присутствии персонала».

Он усмехнулся. В лаборатории уже давно не было персонала. Был только он.

После подключения резервного контура гул изменился. Не усилился, а стал глубже, плотнее. Звук прошел через стол, пол, грудную клетку. Свет потолочных панелей на мгновение просел, потом выровнялся. В белизне лаборатории появилась новая жесткость, как в воздухе перед грозой.

Следующий пациент был выбран автоматически.

Пациент 304-Х. Северная Америка. Мужчина, сорок девять лет. Послеоперационное осложнение. Прогноз остановки сердца — в течение часа. Согласие на участие в протоколе терминального мониторинга — подтверждено.

Александр не смотрел биографические данные дольше необходимого. Чем больше человек оставался человеком, тем труднее было удерживать дистанцию. Для эксперимента он был объектом с чистым сигналом и близким временем события.

Он открыл новую запись.

«Протокол активной фиксации. Инцидент 4311.

Цель: удержание структуры П-0 до полной стабилизации.

Мощность КНПН: 100 процентов основного контура, 100 процентов резервного контура.

Ограничения безопасности: временно отключены.

Примечание: текущая конфигурация не предназначена для длительной работы».

Кардиограмма пациента начала проседать через сорок две минуты.

Александр сидел прямо, не касаясь камня. В такие минуты он убирал все лишнее. Руки на столе. Глаза на мониторе. Дыхание ровное. Ни воспоминаний, ни ожидания, ни злости. Только данные.

Сердце остановилось в 23:26.

Дыхание прекратилось через пятьдесят одну секунду.

Нейронная активность держалась еще две минуты и сорок секунд, рассыпаясь короткими бессмысленными вспышками. Потом исчезла.

Таймер пошел с нуля.

00:00:00.100

Пусто.

00:00:00.400

Фоновый шум.

00:00:00.793

П-0 появился.

Александр запустил полную петлю наблюдения.

Система сработала не как сеть, а как сплошная поверхность. Миллионы измерений в секунду наложились друг на друга, не оставляя структуре свободного интервала для изменения состояния. П-0 застыл. На экране квантовой топологии он выглядел резче, чем когда-либо: не пятно, не вспышка, не остаток, а плотная область упорядоченности, невозможная на фоне распада.

00:00:04.800

Прошлый предел.

00:00:05.100

Структура держалась.

00:00:08.000

Температура серверов пошла вверх. Охлаждение вышло на предельные обороты.

00:00:15.000

Александр впервые подумал, что у него получилось.

И в этот момент система выдала ошибку.

Не отказ оборудования. Не потерю сигнала. Ошибку согласования реальности.

На правом мониторе одновременно вспыхнули четыре предупреждения. Оптический канал не фиксировал изменений. Лидар показывал пустоту. Гравиметр, наоборот, зарегистрировал массу в зоне над телом пациента. Массу, которой не соответствовал никакой объем. Тепловой датчик сообщил о резком локальном падении температуры в той же точке, где камера продолжала показывать обычный воздух палаты.

Александр замер.

Он вывел каналы на центральный экран.

Палата выглядела спокойно. Тело пациента лежало под белой простыней. Над кроватью горела мягкая лампа. На стене мигал зеленый индикатор автономного питания. Ничего не двигалось.

Но гравиметрическая карта показывала присутствие.

Не П-0. Что-то рядом с ним.

Алгоритм синтеза попытался построить визуальную модель по противоречивым данным. Сначала изображение рассыпалось серыми полосами. Потом компьютер перезапустил реконструкцию, убрал оптический канал как недостоверный, усилил гравиметрию и квантовые искажения.

На экране возникла вторичная структура.

Александр сначала решил, что программа ошиблась. Человеческий глаз ищет форму даже там, где формы нет: лица в облаках, фигуры в трещинах, животных в звездном небе. Но это было не случайное сходство. Объект имел внутреннюю организацию.

Он не был живым в биологическом смысле. Не имел кожи, мышц, конечностей, симметрии. Он складывался из черных изломанных сегментов, которые не соединялись, но двигались как единое целое. Некоторые его части казались плоскими, другие уходили в глубину, невозможную для трехмерной модели. Он то становился длиннее, то сжимался, хотя расчетный объем не менялся. Вокруг него падала температура, а гравитационная карта прогибалась, словно пространство пыталось освободить для него место и не знало как.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.